

и комментированное чтение первой сцены комедии, сопровождающееся работой над значением отдельных слов, фраз, жестов. Это позволит иностранцам более точно осмыслить тематику и особенности конфликта пьесы. На следующих занятиях, посвященных изучению комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», рассматриваются сатирические персонажи, отдельные сцены произведения, анализируется смысл финала, выявляется общечеловеческое значение характеров комедии.

Примечания

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.III. М.: АН СССР, 1953.
2. Гоголь Н.В. Ревизор // Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6 т. Т. 4. Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1959. С. 5–96.
3. Манн Ю.В. Комедия Гоголя «Ревизор». М., 1966.
4. Матюшенко А.Г. Произведения А.П. Чехова на занятиях по русскому языку с иностранными учащимися-филологами (анализ рассказа «Студент») // Мир русского слова. 2010. № 1. С. 69–77.
5. Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. М.: Просвещение, 1971.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1988.
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.

О. И. Лыткина (г. Москва)
Российский государственный социальный университет

© О. И. Лыткина, 2016

Концепт «Америка» в повести С. Довлатова «Иностранка»

В статье исследованы и описаны структура и содержание концепта «Америка» в повести С. Довлатова «Иностранка». Результаты исследования сопоставлены с результатами ассоциативных экспериментов.

Ключевые слова: концепт, Америка (США), С. Довлатов, «Иностранка», языковая картина мира

Цель нашего исследования – определить и описать способы языковой репрезентации концепта «Америка» в повести С. Довлатова «Иностранка» (1986).

Актуальность исследования обусловлена значимостью лингвокультурного и когнитивного подхода к изучению художественных текстов известных писателей. Такие тексты, с одной стороны, отражают и выражают национальную картину мира в отдельных ее фрагментах, а с другой – оказывают значительное влияние на ее формирование. Исследователи неоднократно отмечали, что на страницах произведений С. Довлатова нашли отражение особенности русского менталитета и те сложные культурные и

социальные процессы, которые происходили в годы Советского Союза [2; 3; 4; 6; 7].

Как показывает материал исследования, содержание концепта «Америка» по мере развития действия повести эволюционирует от представлений о жизни в Америке как идеи о нереальной, загробной, жизни до создания в ней жизненного пространства, отдаленно напоминающего жизнь в России. Эмигранты принесли с собой в Америку Россию и остались в ней жить, ср., например: «Литературный агент говорил мне:

– Напиши об Америке. Возьми какой-нибудь сюжет из американской жизни. Ведь ты живешь здесь много лет.

Он заблуждался. Я жил не в Америке. Я жил в русской колонии. Какие уж тут американские сюжеты!» [1, с. 75–76].

Эмиграция в Америку представлялась героям произведения чем-то нереальным. Мысль об эмиграции в Америку стала чем-то «напоминающим идею загробной жизни»: «То есть можно было попытаться начать все сначала. Избавиться от бремени прошлого» [1, с. 44]. Конечно, эмиграция коренным образом изменила жизнь героев, а краткое упоминание об их прошлом напоминает в отдельных случаях некролог, ср., например: «Леве Баранову за шестьдесят. Он **бывший** художник-молотовист» [1, с. 9]; «Еселевский **был** в Киеве преподавателем марксизма-ленинизма» [1, с. 10]; «В Союзе Зяма **был** юристом» [1, с. 13]; «В Союзе Зарецкий **был** известен популярными монографиями о деятелях культуры» [1, с. 14]; «В Союзе Лемкус **был** профессиональным затейником» [1, с. 17] и др.

Россия (Советский Союз) является своеобразной «точкой отсчета» действия повести: описание Америки/США всегда происходит в сравнении с Россией, отмечается что «у них» не так, как «у нас», а совпадающие реалии просто не замечаются ни героями, ни автором-повествователем, ср., например: «Люди одеты похуже, чем в Доме кино. Однако получше, чем в Доме науки и техники» [1, с. 63].

Содержание концепта «Америка» представлено следующими типами информации: общая характеристика, эмоциональное состояние героев, культура, население, жизненные и духовные ценности и т.д.

Поскольку жизнь всех героев сосредоточена в одном городе, то и представление обо всей стране у них складывается только по одному городу – Нью-Йорку. В связи с этим ключевым словом концепта «Америка» будет лексема «**цивилизация**»: «Муся ехала “Амтраком” в шесть утра. За окнами мелькали реки, горы, перелески – все как будто нарисованное. Утренний пейзаж в оконной раме. Не природа, думала Маруся, а какая-то **цивилизация**...» [1, с. 123–124].

Знакомство с американской культурой главной героини начинается в аэропорту Кеннеди: «Еще через шестнадцать дней Маруся приземлилась в аэропорту имени Кеннеди. В руках у нее был пакет с кукурузными **чипсами**» [1, с. 47]. Американская культура – это не только чипсы, но и **автомо-**

били, Бродвей, витрины, дайперсы, разноцветная бумажная посуда, фисташки: «Ночной Бродвей показался ей шумным и грязным» [1, с. 53]; «Черeda автомобилей на бульваре превратилась в стоянку такси» [1, с. 58]; «Мимо захламленных тротуаров и ослепительных, безвкусных витрин» [1, с. 58]; «Эти самые дайперсы – первое, что Маруся оценила на Западе. Кроме того, ей нравились чипсы, фисташки и разноцветная бумажная посуда. Поел и выбросил...» [1, с. 55] и т.д.

Город оглушил героиню, его звуковая характеристика выражена в словах: **вой, сирены, гудки, крики лотошников, шум, нескончаемый барабанный грохот, однообразная вибрирующая музыка, грохот...**: «Триста восемьдесят шагов сквозь разноцветную, праздную, горланящую толпу. В облаках бензиновой гари, табачного дыма и запаха уличных жаровен. ...Под крики лотошников, **вой** автомобильных сирен и нескончаемый барабанный грохот...» [1, с. 58]; «Там грохотала музыка» [1, с. 119]; «В нашей жизни слишком много шума. Это вредно. Действует на психику. От этого все люди стали нервными и злыми. Людям просто не хватает тишины» [1, с. 120].

В содержании концепта «Америка» представлен еще один тип информации – **запах: аммиачное зловоние, бензиновая гарь, запах дыма, уличных жаровень, пиццерии, косметики...**, например: «Ей хотелось достичь равнодушия к шуму транзисторов и аммиачному зловонию сабвея» [1, с. 58]; «Смешанные запахи пиццерии, косметики и бензиновой гари?» [1, с. 80–81]; «Тяжелый запах дыма и бензина» [1, с. 112] и др.

Эмоциональная составляющая концепта «Америка» представлена неоднозначно. С одной стороны, чужая незнакомая среда вызывает у героев **чувства страха, беспомощности, одиночества, тревоги, раздражения, неустойчивости, желание выпить**: «Нью-Йорк внушал Марусе **чувство раздражения и страха**» [1, с. 58]; «Ежедневная порция страха и неуверенности...» [1, с. 58]; «Маруся чувствовала себя, как на даче у родственников. Рано или поздно надо будет возвращаться домой. Но куда? ...В общем, **чувство тревоги** с каждым днем нарастало...» [1, с. 63]; «Рафаэль материализовался из общего **чувства неустойчивости**. Из ощущения праздника, беды, успеха, неудачи, катастрофической феерии» [1, с. 81] и др.

Объединяющим всех эмигрантов является чувство **разочарования, рухнувшей надежды**: «На Западе Еселевский окончательно **разочаровался** в марксизме. Начал публиковать в эмигрантских газетах запальчивые статьи. Но затем он **разочаровался** и в эмигрантских газетах» [1, с. 10]; «Америка **разочаровала** Караваева» [1, с. 17], у Рафаэля галстук «цвета **рухнувшей надежды**» [1, с. 81] и т.д.

Разочарование вызвано крушением представлений об Америке как **стране свободы и демократии**, которые сложились на родине. Этим объясняется прием иронии, который использует автор в изображении своих геро-

ев. Например, Маруся Татарович пишет своим родителям: «Свободы здесь еще больше, чем в Австрии. В специальных магазинах продаются каучуковые органы. Вы понимаете? Мамуля бы сейчас же в обморок упала» [1, с. 64]. Или диалог героини с автором-рассказчиком: «– А свобода? – На фиг мне свобода! Я хочу покоя... И вообще, зачем нужна свобода, когда у меня есть папа?! – Ты даешь! – Нормальный человек, он и в Москве свободен. ... – В общем, жизни нет» [1, с. 113].

Свобода и демократия – визитная карточка **великой и богатой страны** – для русских эмигрантов оказались **иллюзией**: «Дома не было свободы, зато имелись читатели. Здесь свободы хватало, но читатели отсутствовали» [1, с. 13]. Иллюзия, как оказалось, самый ходовой товар в Америке: «Я буду торговать иллюзиями по сорок центов штука. И заработаю на этом миллионы. Потому что самый ходовой товар в Америке – **иллюзия...**» [1, с. 104].

Разочарование рождает чувство одиночества, ощущение себя **чужим и ненужным** в «**чужой**, заморской, непонятной жизни» [1, с. 80]: «**Одиноким** русским женщинам...» [эпиграф]; «Но мы в **чужой** стране. Языка практически не знаем. В законах ориентируемся слабо. К оружию не привыкли. А тут у каждого второго – пистолет. Если не бомба...» [1, с. 85]; «Великая страна! Да мы-то здесь **чужие**, независимо от убеждений» [1, с. 118].

Ненужными в богатой и великой стране оказываются русская литература и все те ценности (не материальные), за которые эмигранты терпели гонения на родине: «Известно, что американцы предпочитают собственную литературу. Переводные книги здесь довольно редко становятся бестселлерами. Библия – исключительный случай» [1, с. 75]. Но в Америке нет справедливости, ее ценности – **деньги, богатство**; заветная мечта – разбогатеть, получить миллионы: «Я заработаю **миллионы!** Вот увидишь! **Миллионы!**» [1, с. 120].

Показательно сравнение русских эмигрантов с **командированными**, зажавшими в руке «два сорок». В этом отношении русские эмигранты очень отличаются от типичных **американцев, целеустремленных, богатых, со здоровыми нервами**, которые **переодеваются каждый день**, являются **принципиальными оптимистами, рассчитывают только на себя**, ср.:

«– Просто Джи Кей – типичный американец со здоровыми нервами. Если русские вечно страдают и жалуются, то американцы устроены по-другому.

Большинство из них – принципиальные оптимисты...

Лора объясняла Мусе:

– Америка любит сильных, красивых и нахальных. Это страна деловых, целеустремленных людей. Неудачников американцы дружно презирают. Рассчитывать здесь можно только лишь на одного себя...» [1, с. 54].

Поэтому планы на будущее, как и само будущее, остается в прошлой жизни, т.е. в России: «– Какие могут быть гарантии? И что тут говорить о

будущем? Это в Союзе только и разговоров, что о будущем. А здесь – живешь и ладно...» [1, с. 89].

Отчаяние вызывает неожиданное желание: «Я хочу домой!» (так называется одна из глав). Возникает закономерный вопрос: «Стоило ли ехать в такую даль?» Этот вопрос стоит не только перед главной героиней, но ни она, ни другие эмигранты не могут найти на него ответ:

«– И все же, – спрашивала Лора, – почему ты уехала? Политика тебя не волновала. Материально ты была устроена. От антисемитизма страдать не могла...» [1, с. 52].

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, кроется в самом жанре произведения – жанре путешествия: «Путешествие – в фольклоре, в литературе – это всегда путь к себе» [8, с. 183]. Эмиграция героев – путь к себе. Главная героиня Мария Татарович, кажется, нашла себя, об этом говорит название последней главы «Хэппи энд». Из хаоса чужой жизни начала складываться разумная стихия: «Постепенно из хаоса начали выступать фигуры, краски, звуки. Шумный торговый перекресток вдруг распался на овощную лавку, кафетерий, страховое агентство и деликатесный магазин. Черда автомобилей на бульваре превратилась в стоянку такси. Запах горячего хлеба стал неотделим от пестрой вывески “Бекери”. Образовалась связь между толпой ребятишек и кирпичной двухэтажной школой...» [1, с. 58].

Объективность выделенных нами типов информации, представляющих содержание концепта «Америка», подтверждается материалами ассоциативного словаря [5].

Ниже мы приводим выборку слов-реакций, полученных на словестимулы «Америка», «США», «Родина», «Россия» (в скобках указана частота реакций): Америка → богатая, великая, свобода (2), бизнес, где-то, деньги, для американцев, ехать, житуха!, западная, золотая жизнь, кайф, капитализм, мечта, Москва, неизвестность, не плохо, не хочу туда, Нью-Йорк, отлично, процветающая, Россия, свободная, суэта, хорошо, хочу, эмиграция (1);

США → страна (17), Америка (9), свобода (6), доллар (4), Россия, СССР (3), богатство, капитализм, Нью-Йорк (2), бизнес, великая держава, город, демократия, империализм, капстрана (1).

Изучение концептов, в частности концепта «Америка», в художественных текстах представляется перспективным, поскольку подобные исследования позволяют описать русскую концептосферу, выявить ее национальные особенности – как известно, специфика своей культуры всегда понимается лучше в сопоставлении с чужой.

Примечания

1. Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. 160 с.
2. Кипнес Л.В., Тупицына И.Н. «Культура повседневности» в прозе Сергея Довлатова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4 (36). С. 223–226.

3. Мотыгина Ж.Ю. Творческая индивидуальность Сергея Довлатова. Астрахань: Астрахан. ун-т, 2006. 125 с.
4. Попов В.Г. Довлатов. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2015. 355 с.
5. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 784 с.
6. Сёмкин А.Д. Чехов. Зощенко. Довлатов: В поисках героя. СПб.: Островитянин, 2014. 424 с.
7. Сухих И.Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. 2-е изд. СПб.: Нестор-История, 2006. 278 с.
8. Умеров Ш.Г. Пространство и время: заграничное путешествие людей «дна» как протожанр в новейшей русской литературе // История и современность. 2011. № 2. С. 179–193.

*А. Г. Маслова (г. Киров)
Вятский государственный университет*

© А. Г. Маслова, 2016

Поэзия Г. Р. Державина как источник страноведческих знаний при изучении русского языка как иностранного

В статье рассматриваются особенности изучения с иностранными студентами произведений Г.Р. Державина; показывается, как параллельно с чтением и пониманием художественных текстов иностранцы, изучающие русский язык, углубляют свои знания в области истории и культуры России.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, поэзия Г. Р. Державина

Г.Р. Державин – один из крупнейших поэтов XVIII века, в поэзии которого выразился дух екатерининской эпохи, сыгравшей огромную роль в развитии национального самосознания русского человека. Поэзия Державина может стать для иностранного читателя, изучающего русский язык и русскую культуру, ценным источником информации о русских исторических деятелях и ярких исторических событиях XVIII столетия. Кроме того, в процессе знакомства с поэтическими произведениями иностранные студенты совершенствуют и свои речевые навыки, учатся постигать смысл художественного слова на чужом для них языке. Как отмечает И.И. Толстухина, «несомненна всесторонняя ценность для иноязычного читателя именно поэзии: лингвистическая – так как в поэтическом контексте совершается преобразование семантики слова, раскрытие его потенциала; культурологическая – ибо стихотворение представляет “экспозицию идеалов и жизненных ценностей человека” (Л.Я. Гинзбург), принадлежащего определенной культуре; духовная – потому что лирика устремлена к изображению внутренней жизни как всеобщей» [4, с. 428].

При выборе произведений Г.Р. Державина для изучения в иностранной аудитории мы исходили из нескольких принципов: во-первых, изучаемые